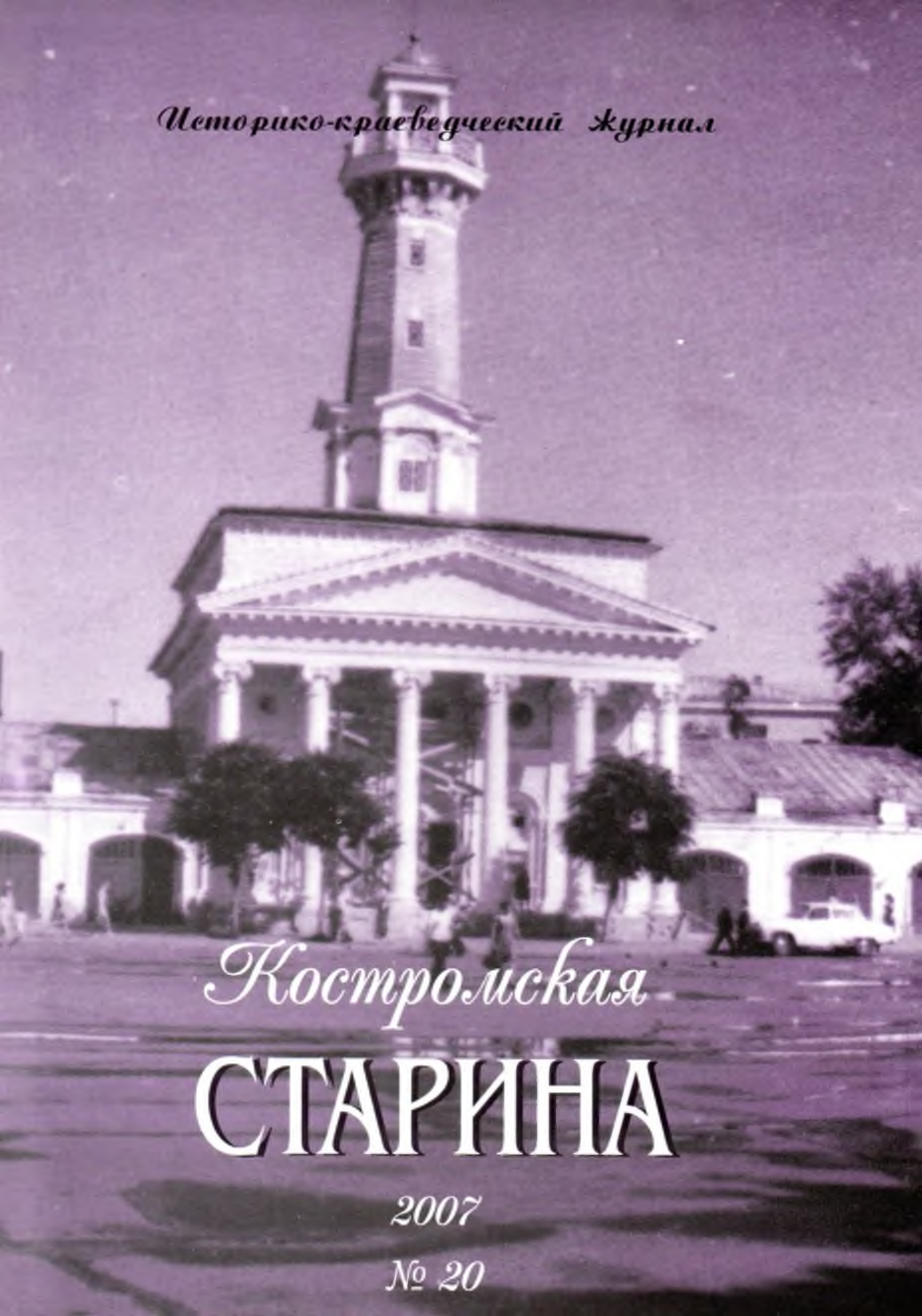
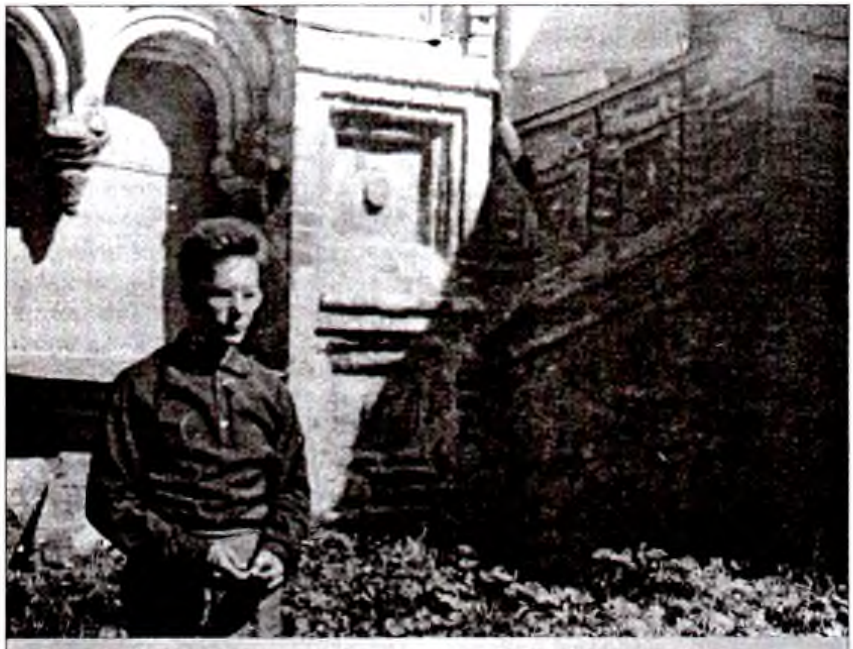


Историко-краеведческий журнал

Костромская
СТАРИНА

2007

№ 20



В.Н. Бочков у церкви Воскресения на Дебре. Кострома. 1965 г.

Лариса Сизинцева

В.Н. Бочков в костромской историографии

Понятие «краеведение» вошло в широкое употребление гораздо позже, чем возникло само явление. Комплексное изучение (в современном значении этого слова) территории, занимаемой сегодня Костромской областью, началось в XVIII веке. В разное время оно велось в рамках географии, статистики, археологии или называлось как-то иначе. Общество, которое в 1912 г. поставило своей целью комплексное изучение губернии, называлось просто – «научным», Костромским научным обществом по изучению местного края (КНОИМК).

В 1920-х гг., когда отечественное краеведческое движение достигло пика своего развития, на страницах специальных периодических изданий прошла дискуссия о том, является ли краеведение наукой[1]. Ответ был очень осторожным: связь с наукой не отрицалась, но наука идет путем анализа, а краеведение предполагало синтез. «"Край" есть живой комплекс, единый организм, [...] к цельному знанию и пониманию которого, как элемента страны и мира, должно стремиться», – писал петербургский теоретик и практик краеведения И.М. Гревс[2].

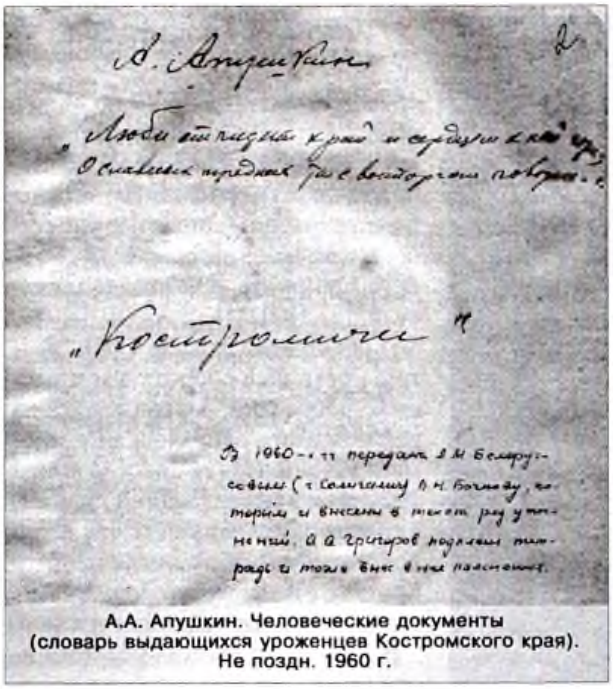
Но В.В. Богданов еще раньше предупреждал: «Краеведение, изучение края, есть первичный результат науки, и к какой бы области нашей жизни мы ни подходили бы с краеведческими заданиями, мы, прежде всего, должны проверить и оценить эти задания на достоверных данных науки. [...] Краеведение как одно из проявлений научной деятельности не имеет своих собственных научных методов, потому что наука едина и методы ее едины»[3].

Собственно, эти путем и шло Костромское научное общество, издавая узкопрофильные сборники – биологические, лесные, исторические, этнографические и единственный литературный. Костромское краеведение, столетиями накапливавшее потенциал, пережило в 1920-х гг. небывалый взлет, когда даже на фоне общего подъема «золотого десятилетия» было замечено и признано благодаря блестящей организаторской работе В.И. Смирнова, возглавлявшего в ту пору КНОИМК.

С размахом краеведческой деятельности был сопоставим и масштаб репрессий, направленных на разгром этого движения в Костроме и уездах. После арестов конца 1920-х гг. в исследовании края наступила пауза длиной почти в три десятилетия. Попытка возродить краеведение «сверху», предпринятая в 1947 г., закончилась неудачей.

В местном педагогическом институте плодотворно работали философы, филологи, психологи, школа же серьёзных исторических исследований во второй половине XX века так и не была создана – конъюнктурные публикации в области истории классовой борьбы её не требовали. Историография в Костроме как бы вернулась к началу, ко времени исследователей-одиночек, первым из которых и стал В.Н. Бочков.

Вряд ли он, в 1959 г. с отличием окончив Московский историко-архивный институт, отправляясь по распределению в Кострому, мечтал о том, чтобы посвятить свою жизнь краеведческим штудиям. Между тем именно работа в одном из богатейших архивов провинциальной России, созданном усилиями нескольких поколений краеведов и пощаженном войнами, неизбежно располагала к ним самим характером источниковой базы. Богатейшая библиотека архива давала возможность проследить пути предшественников, проанализировать



А.А. Апушкин. Человеческие документы (словарь выдающихся уроженцев Костромского края). Не поздн. 1960 г.

собранный и опубликованный до него краеведческий материал, выявить лакуны.

В отличие от столиц, где все-таки легче было найти единомышленников, в провинции пришлось начинать одному, становясь, подобно предшественникам – краеведам XVIII столетия, исследователем-универсалом. Большая часть коллег по Костромскому архиву, бывшему на рубеже 1950–1960-х гг. структурой «компетентных органов», волей или неволей работали над темами, лежавшими в русле официоза. Требовалось немалое мужество, чтобы в этой ситуации плыть против течения и, не реагируя на многочисленные «проработки», заниматься всерьез исторической наукой.

Возможностей для узкой специализации не оставалось. Приходилось практически одновременно работать над вопросами историографии и источниковедения, исторической географии, библиографии, генеалогии, истории экономики, политических течений, культуры разных исторических периодов. Это позволяло рассматривать явления комплексно, прослеживая взаимные связи и влияния.

В своей диссертации В.Н. Бочков обосновывал возможность отказа от узкой специализации, ссылаясь на авторитет признанного советского академика, ученого-медиевиста: «Никакой исследователь, – по словам С.Л. Сказкина, – не может быть специалистом по многим из тех проблем, которых ему приходится касаться в процессе синтеза»[1]. Но именно широта кругозора молодого исследователя, не ограниченного кругом официально разрешенной в те годы информации, обеспечила успех синтеза, к которому стремились, но которого не достигли краеведы «золотого десятилетия».

В.Н. Бочков, профессиональный историк, исследовал прошлое во всей его полноте, используя свою эрудицию не только в гуманитарной сфере. Едва ли не первым он опубликовал результаты исследований о костромских прудах, лесах, оврагах, вторгаясь, казалось бы, в чужую вотчину. Знание новых открытий в области лингвистики позволило ему в диссертации проследить мерцание смысла слов, которые историки пытались свести к оформленным позже терминам. Его интерес к городу как монументальному источнику восходит (осознанно или нет) к городоведению первой трети XX века. Источниковедческая, археографическая подготовка позволяли ему использовать всю полноту неопубликованных письменных источников.

В Костроме оказался человек, владевший не только методами советской исторической науки, но и опытом отечественной и зарубежной историографии, не прошедшим идеологические фильтры. Первое издание книги Марка Блока не только стояло у него на полке, но и активно использовалось в исследовательской практике. Этот выдающийся французский историк, один из основателей школы «Анналов», однажды написал: «За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, ИСТОРИЯ ХОЧЕТ УВИДЕТЬ ЛЮДЕЙ»[4].

В.Н. Бочков одним из первых заговорил о конкретных людях, которые ходили по улицам этого города, жили в этих домах – и город наполнился голосами и звуком шагов. Для этого ему пришлось восстанавливать живую связь поколений, обратиться к тому, что позже назовут в Европе oral history – устной историей.

Самые яркие страницы костромской историографии 1920-х гг. были под запретом. Немногие краеведы, которых В.Н. Бочков разыскивал в начале 60-х, уклонялись от разговоров о прошлом, советуя оставить это опасное занятие. Но были книги, были архивные документы. Нашлись и живые свидетели, которых удалось «разговорить». Первой своей краеведческой публикацией Виктор Николаевич считал газетную статью о знакомце Блока, Ремизова, Кустодиева – И.А. Рязановском, написанную по рассказам его вдовы и материалам сохраненного ею архива[5].

Есть материальное свидетельство связи нескольких поколений костромских краеведов – так называемая «тетрадь Апушкина»[6]. Еще на рубеже 1910–20-х гг. А.А. Апушкин, видный деятель, а потом и председатель Костромского научного общества, начал собирать информацию об именитых уроженцах костромской земли, расположил ее по алфавиту и записал на страницах общей тетради. Он уехал в Москву, а тетрадочка, пройдя через надежные руки, оказалась

В.Н. Бочков. 1984 г.

у солигаличского краеведа, в молодости – члена КНОИМК, Л.М. Белоруссова, который и передал ее В.Н.Бочкову. Оба сделали свои дополнения, а потом Виктор Николаевич показал ее А.А. Григорову, который тоже внес свою лепту.

А.А. Григоров был намного старше В.Н. Бочкова, разница была более тридцати лет. Пройдя через многие испытания, после многих арестов и лагерей, он вернулся в Кострому в 1959 г., но занялся генеалогией, лишь выйдя на пенсию в 1964 г., первоначально интересуясь представителями только своего рода[7]. Стал ходить в архив, как на работу. В.Н. Бочков, в совершенстве владевший навыками архивного поиска и приемами составления поколенных росписей, помогал ему на первых порах. Мария Михайловна Шателен попросила А.А. Григорова поработать над родословной Кутузовых. Позже результаты этих изысканий легли в основу совместной книги представителей двух поколений – «Вокруг Щелыкова»[8].

Благодаря инициативе В.Н. Бочкова и с его помощью были записаны некоторые воспоминания костромичей, которые им же и были впервые использованы, – так в официальную историю, политэкономическую по преимуществу, стала просачиваться история повседневности.

В интервью, данном А.А. Анохину, В.Н. Бочков вспоминал о таких встречах: «Первая из них была с Леонидом Колгушкиным – это старый костромич, собирал фотографии и открытки с видами Костромы, оставил очень интересные воспоминания о дореволюционной Костроме в рукописях. Он был долгое время директором школы слепых в Костроме. Я к нему много раз обращался, спрашивал, записывал за ним.

Через Колгушкина я познакомился с Александром Викторовичем Лаговским, и в том же доме, что и Лаговский, на улице Энгельса жил Николай Александрович Полубинский. У них тоже я довольно много взял, то есть я их расспрашивал, а они рассказывали. Лаговский мне рассказал по моим вопросам историю домов на многих улицах Костромы, прямо дом за домом, конечно, в тех пределах, в которых он знал.

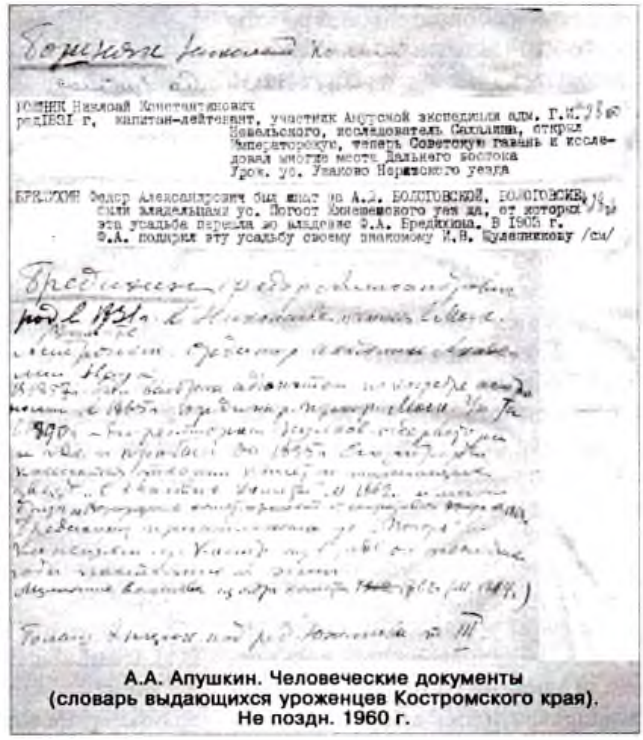
[А.А. Анохин:] Вы расспрашивали на прогулках или прямо не выходя из дома?

– Нет, мы сидели дома. Я тогда мог, конечно, прогуливаться, но ему было сложнее, тем более трудно записывать на ходу. А так, он как старый костромич и старожил Костромы помнил все, что связано с улицами и домами, даже самыми неказистыми и маленькими, и много мне рассказывал. Потом я соединил материал, почерпнутый из этих рассказов, с теми материалами, которые я сам в архиве выбрал, и получились эти очерки по костромским улицам».

Архивные изыскания оставались тем не менее основой всех исследований. Результатом работы В.Н. Бочкова с фондами Государственного архива Костромской области стало составление путеводителя по ГАКО[9] и описание коллекции рукописей этого хранилища. Не довольствуясь уже собранными материалами, исследователь выявляет сохранившиеся частные архивы, вывозя их иногда буквально на детских санках. Именно благодаря ему в архив были переданы и документы И.А. Рязановского.

Наряду с этим шла работа по выявлению и публикации документов, например, уже в 1960-х гг. удалось издать (хотя бы на страницах местной периодики) неизвестные письма М.М. Пришвина, Ф. Сологуба[10].

Там же появлялись авторские статьи, рецензии на новые издания, чаще всего содержащие указания на неточности, на неизвестные авторам документы и сведения.



А.А. Апушкин. Человеческие документы (словарь выдающихся уроженцев Костромского края). Не позднее 1960 г.

В 1965 г. пришлось поменять место службы, уйдя из архива в областную научную библиотеку, где до 1972 г. В.Н. Бочков трудился старшим библиографом. В его распоряжении оказались богатейшие материалы, о существовании которых мало кто догадывался. Особенно тщательно работал он со справочниками, указателями, энциклопедиями, многие из которых до сих пор хранят легкие пометки, сделанные им на полях при нахождении костромского материала. Вероятно, в это время пополнялась его уникальная картотека выдающихся уроженцев края, развивавшая традиции предшественников, которая должна была лечь в основу соответствующего указателя. Работу над ним закончить не удалось[11]. К этому же периоду относится и учеба в аспирантуре, так что архив из места службы превратился в место регулярных занятий.

В 1972 г. В.Н. Бочков получил приглашение на пост заместителя директора по науке в музей-заповедник А.Н. Островского «Щелыково». Пять лет его руководства музеем-усадьбой не только стали временем интенсивной исследовательской и собирательской работы всего коллектива, но и дали еще одно направление его собственной работы – литературное краеведение. Многолетние труды в этой области оставили заметный след на страницах многотомного биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917», вылились в издание книги о литературных прототипах «Скажи: которая Татьяна?»[12]. Она стала последней книгой В.Н. Бочкова, которую он успел застать напечатанной. В рукописи до 2002 года оставались «Костромские спутники Пушкина»[13].

В ту пору, после периода гонений конца 1970-х гг., удалось устроиться инженером в производственную группу по охране памятников при областном управлении культуры. Работа была знакома: уже в 60-е гг., когда движение по охране памятников превратилось в борьбу за историю без идеологии, В.Н. Бочков составлял исторические справки о различных зданиях и мемориальных комплексах. В 1970 г. им совместно с архитектором-реставратором К.Г. Тороп был выпущен путеводитель по Костроме[14]. В последний год работы в Щелыкове он выступил в качестве автора вступительной статьи и ряда материалов о конкретных объектах при подготовке костромского выпуска «Материалов свода памятников истории и культуры»[15].

В.Н. Бочков «Скажи: которая Татьяна?» Москва, 1990 г. Обложка

Став сотрудником производственной группы, В.Н. Бочков подготовил к постановке на охрану такое количество объектов, что это вызвало резкое неудовольствие местных чиновников от культуры. Опять проявился его дар организатора: он не только привлекал местных и столичных специалистов, но и создал краеведческое объединение при одном из фабричных клубов, подключив к исследованию города людей самых разных социальных слоев, что позволило позднее издать справочник «Улицы Костромы»[16].

Костромской краевед 1920-х гг. В.И. Смирнов утверждал, что краеведение держится на трех китах – архиве, музее и библиотеке. Судьба провела В.Н. Бочкова через все три этих учреждения, он внес значительный вклад в работу каждого из них, но и сама служба повлияла на его интересы, во многом определила круг освоенных им источников, сделала его универсальным исследователем-краеведом. К трем китам он добавил город как исторический источник.

Подари ему судьба еще несколько лет жизни – он смог бы в большей мере использовать то огромное количество «запретной» в советское время информации, которую он собирал без малейшей надежды опубликовать когда-либо. Но остались книги, остались ученики. И самое главное – была возобновлена традиция профессиональных занятий историей, которая выгодно отличает костромское краеведение от традиций многих других областей, где любительское («пионерско-пенсионерское») краеведение и краеведение университетское разделяет пропасть. Костромское краеведение удерживает научный уровень, стремясь к синтезу, продолжая традиции предыдущих столетий.

Примечания:

[1] Золотарев А. Наука ли краеведение или только метод? // Краеведение. – 1926. – Т.3. – №3. – С. 329-331

[2] Гревс И.М. Народное искусство в краеведческой работе в школе // На путях краеведения. – М.: Мир, 1926. – С.129.

[3] Богданов В.В. Задачи краеведения и история краеведения в России // Вопросы краеведения. Сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года. – [М.]: Нижполиграф, 1923. – С.5-6.

[4] Блок М. Апология истории или Ремесло историка. – Изд. 2-е, доп. – М., 1986. – С.18.

[5] Бочков В. История одного дома // Северная правда. – 1960. – 27 июля.

[6] Апушкин А. Человеческие документы // ГАКО, ф. р-1224, (В.Н. Бочков), д. 432.

[7] Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. – Кострома, 1993. – С.465.

[8] Бочков В.Н., Григоров А. Вокруг Щелыкова. – Ярославль, 1972.

[9] Путеводитель по Государственному архиву Костромской области / Сост. В.Н. Бочков. – Кострома, 1962.

[10] Северная правда. – 1961. – 14 октября; Молодой ленинец. – 1964. – 9 декабря.

[11] Хранится в ГУК КГИАХМЗ, н/в 14826/1-933.

[12] Бочков В.Н. « Скажи: которая Татьяна?». – М., 1990.

[13] Книга была издана редакцией журнала «Губернский дом» (Кострома, 2002).

[14] Бочков В.Н., Тороп К.Г. Кострома: Путеводитель. – Кострома, 1970.

[15] Материалы свода памятников истории и культуры. – Кострома, 1977.

[16] Улицы Костромы. – Кострома, 1989.